

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 82.09

ЖАНР FANTASY У СОВРЕМЕННЫХ ПРАВОСЛАВНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

© 2020. В.Ю. Даренский

ГОУ ВПО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет»

В статье рассматривается жанр *fantasy* в современной российской православной литературе. Выделена типология жанра на примере нескольких знаковых авторов. В частности, Ю.Н. Вознесенская разрабатывала библейские и эсхатологические сюжеты, приближая их к восприятию современного человека; о. Александр Торик ближе к «духовному» роману в традициях Ф.М. Достоевского; С.С. Козлов близок к обычной психологической прозе. Но во всех случаях их фантастические сюжеты выполняли одну и ту же важнейшую роль – разрывали рамки обыденности и обнажали конечность человеческой жизни. В этом состоит ее целительная функция для современного человека, напоминая ему о бессмертной душе.

Ключевые слова: *fantasy*, православная литература, Ю.Н. Вознесенская, о. Александр Торик, С.С. Козлов.

Введение. Как известно, художественная литература началась именно с того, что в наше время назвали бы «фантастикой» – с мифических преданий и сказок. Впрочем, для архаического человека они несколько не были выдумкой – их героев он видел реально в измененных состояниях сознания: во снах и в экстазе гипнотического и наркотического свойства во время священных ритуалов. Эти видения даже считались реальностью более высокого порядка, чем реальность обыденная, поскольку относились к миру вечному. «Илиада», «Одиссея», «Махабхарата» повествуют о событиях, которые происходят в двух мирах сразу, причем эти миры переплетены так, что между ними часто вообще исчезает граница. Позднее разделение этих миров стало требованием жанра, и тогда «фантастическое» выделилось в особую сферу. Однако и в этом случае статус «фантастического» вовсе не был синонимом выдумки. Современники Данте, естественно, не думали, что автор «Божественной комедии» действительно уже побывал в мире ином и рассказал о том, что там видел. Однако само существование иного мира ими несколько не ставилось под сомнение, так же как и его трехчастная структура. Вообще, беседа с усопшими как поучительный загробный диалог была популярна в литературе в эпоху Античности, а затем возрождена в направлении классицизма – французом Николя Буало в драме «Герои из романов. Диалог в манере Лукиана». А в своем «Поэтическом искусстве» он обосновал запрет на изображение евангельских сюжетов, поскольку тут художественные вольности всегда граничат со святотатством, но дал волю использованию образов античной мифологии в качестве ценных поэтических символов. Это и было первое теоретическое обоснование ценности сознательно «фантастических» сюжетов.

Параллельно развивался жанр загробных путешествий. Если не принимать во внимание мистерии, идущие из литературы Средних веков, то в светской литературе Нового времени первый блестящий образец этого жанра дал Генри Филдинг (1707–1754) в повести «Путешествие в загробный мир и прочее» (1743). Описание момента смерти у этого автора ошеломляющее: «Никакой узник, выпущенный из долгого

заточения, не обонял аромат свободы острее меня, освобожденного из темницы, где я удерживался около сорока лет» [14, с. 31]. Вместе с тем у этого автора *путешествия в загробный мир являются ничем иным, как аналогом нравственной рефлексии, данной в форме внешних сюжетов*: «Я вторично заслужил преисподнюю, и действительно, Минос склонялся к тому, чтобы ввергнуть меня в геенну, но узнав, какую казнь учинил мне Родорик, и как еще семь лет я был в рабстве у вдовы, он счел это достаточным искуплением всех грехов, какие может вместить одна человеческая жизнь, и отослал меня обратно – в третий раз попытать счастья» [14, с. 61]. Данный принцип остается неизменным вплоть до «Теркина на том свете», в котором за социальной сатирой явственно выступает нравственный суд героя над самим собой, своей страной и поколением.

В 2000-е годы в русской литературе, в ее православном сегменте, появились два знаковых произведения, которые продолжают этот жанр, но при этом возвращают его к своим историческим истокам – к аутентичным загробным видениям, сохранившимся в истории христианской словесности. Это «Мои посмертные приключения» Юлии Вознесенской и «Димон» о. Александра Торики. Хотя любые субъективные представления о загробной жизни в Православии считаются вредными «мечтаниями» и прельщениями, вредящими трезвомыслию, тем не менее по факту они существуют. Исходя из этого, православный писатель вполне может работать с этим материалом в художественных целях, тем более что такой жанр уже разработан в мировой литературе. Такие древние тексты, как особенно известные и популярные в наше время среди верующих «Мытарства Феодоры»¹ и «Видение Страшного Суда» и др. – не являются догматическими текстами, а относятся к жанру церковного фольклора. Это «духовные романы» (проф. П. Казанский) – т. е. это символы духовных состояний человека, которые сформировались в его жизни и которые он уносит затем в бытие вечное. Как писал известный американский православный подвижник и писатель Серафим (Роуз): «Даже младенцу ясно, что нельзя буквально воспринимать описания мытарств». Сюжеты «загробных путешествий» основаны на символике духовных состояний человека. Поэтому авторитетный современный богослов, как проф. А.И. Осипов, отмечает: «...эти мытарства... при всей простоте их земного изображения в православной житийной литературе имеют глубокий духовный, небесный смысл... это суд совести и испытание духовного состояния души» [8].

Священник Даниил Сысоев в статье «Православие и фантастика: границы и перспективы» писал о преемственности «христианской *fantasy*» по отношению к народной христианской культуре: «в этих сказках и легендах выражены христианские идеи, настоящий опыт христианской жизни, и потому Церковь с этим никогда не боролась. Сказки входили, как составная часть, в традиционную христианскую культуру. Конечно, часть эта не основная» [12]. Е. Хаецкая в эссе «Возможна ли христианская *fantasy*?» задается вопросом: «...Как совместить Православие как личное мировоззрение и *fantasy* как способ писать? Невозможно ведь поститься-молиться,

¹ Православное учение о мытарствах впервые в развернутом виде было изложено свт. Кириллом Александрийским в его слове «О исходе души». «Мытарствами» называется переход бессмертной души от временной земной жизни к ее посмертному состоянию. Во время этого перехода душа в присутствии Ангелов и демонов, и перед оком всевидящего Судии Бога, испытывается во всех своих земных делах, словах и помышлениях. Души, оправданные на мытарствах, возносятся Ангелами в райские обители, а души грешников, задержанные на каком-то из мытарств, забираются демонами во ад на вечное мучение. В житии преп. Василия Нового (X век) повествуется о хождениях по мытарствам преп. Феодоры (ее память отмечается Церковью 8 декабря) и перечисляются 20 мытарств. На основе этого списка мытарств совершается покаяние во время подготовки к исповеди.

одновременно с этим сочиняя про феечек, друидов и проч.!» Но христианская *fantasy* возможна, считает она, поскольку «чудесной составляющей сюжета может быть любая святоотеческая история, изложенная опозитивно, с приключениями, переживаниями, диалогами – в общем, художественно» [13]. Однако в этом есть сущностный парадокс: то, что «внешнему», не православному, читателю будет казаться фантастикой, для самого ее автора есть самая доподлинная реальность. Среди научных исследований данной темы стоит отметить в первую очередь статьи Т.И. Хоруженко, М. Крыловой и О.Н. Склярова [7; 11; 15; 16].

Целью данной статьи является анализ христианской *fantasy*, представленной в знаковых произведениях современных православных писателей, для определения специфики их поэтики и их отношения к религиозной и литературной традиции.

Основная часть. Стоит отметить, что некоторые писатели, позиционирующие себя как православные, также пишут в стиле *fantasy*, но при этом обращаясь не к традиции загробных путешествий, а к самым современным и уже очень избитым образам, например «машины времени». Однако трактовка этого столь привычного образа оказывается совершенно иной. Герой романа С.С. Козлова (Тюмень) «Время любить» изобретает машину времени, но она переносит его не в далекое прошлое или будущее, а только сдвигает время лишь чуть-чуть, но совершенно особым образом: «Они оказались в квартире Сергея Павловича прямо у стола, на котором тихо гудел генератор машины времени.

– Это то, что я думаю? – спросила Варя.

– Да. Мы с тобой в нашем будущем. Всего лишь на полчаса вперед. У нас есть целый город, в котором никто, кроме нас, не живет. Я назвал его Городом влюбленных и решил подарить тебе. Всякий раз, когда нам будет надоедать наш суетливый мир, мы сможем уезжать сюда на любое время! Хоть на год, потому что всегда есть возможность вернуться в минуту отправления.

– С ума сойти! Это же чудо!

– Сам не верю» [6, с. 123].

Столь неожиданная трактовка образа «машины времени» стала возможна только в рамках христианского мышления, для которого ни прошлое, ни будущее как таковые неинтересны, ведь суть жизни людей во все времена абсолютно одинакова – это борьба с грехом ради спасения бессмертной души, и внешние обстоятельства этой борьбы сами по себе безразличны. Об этом также и фантастическая повесть С.С. Козлова «Русский Фауст», которая имеет духовно-символический смысл подтекст: здесь, по сюжету, создан аппарат для отъема «биоэнергетической субстанции» у населения. Эта субстанция символически обозначает человеческую душу, которая «высасывается» техногенной цивилизацией. К жанру *fantasy* относится и его роман «Репетиция Апокалипсиса (Ниневия была помилована)» (издательство «Сибирская Благовонница», 2014). В этом романе от главы к главе переплетаются шесть судеб: среди них – христиане, русские, мусульманин, китаец, бывший военный, кладбищенский «копатель», доктор философских наук, освободившийся зэк, врач и многие другие. Все они оказываются на пороге Конца времен, но на фоне вполне узнаваемых картин современности, которые, однако, совпадают и с признаками приближения Конца, которые указал Спаситель. В романе упоминается множество пророчеств христианских святых мучеников (и даже суры Корана), говорящих о приближении Апокалипсиса. Каков смысл такого повествования? Оно дает возможность читателю перенестись воображением в конец времен перед наступлением Страшного Суда чтобы с полной ясностью осмыслить суть нашего времени и состояние

своей собственной души, еще не готовой к этому последнему Суду над миром. Историческим прецедентом такого сюжета являются знаменитые «Три разговора» Вл. Соловьева.

Юлия Николаевна Вознесенская (1940 г., Ленинград – 2015 г., Франция) окончила Институт театра, музыки и кино, была активным деятелем в кругах неформального искусства, публиковала стихи сначала в периодике, потом в самиздате. В 1973 году приняла крещение, в 1976-м была осуждена на пять лет ссылки за «антисоветскую пропаганду». Бежала из ссылки, что привело к двум годам лагерного заключения, в 1980 году эмигрировала из СССР, работала на радиостанции «Свобода». В 1990-е жила в Леснинской женской обители Пресвятой Богородицы во Франции, где по благословению игуменьи Афанасии написала роман-притчу «Мои посмертные приключения», после чего писала духовные романы вплоть до своей смерти. Она получила благословение на свое творчество от патриарха Кирилла. В последний период жизни она была глубоко воцерковленным человеком, при этом все деньги, заработанные от продажи ее книг, тратила на благотворительность, поддерживая материально стариков. Фильм «Вдвоем на льдине» (Россия, 2015), снятый по рассказу Юлии Вознесенской, получил Гран-при на фестивале в Орленке. О целях своего творчества сама Юлия Вознесенская говорила в интервью: «Это миссионерская литература на самом деле. Это попытка разговаривать с неверующими или ищущими – в литературе, их языком» [Цит. по: 9, с. 692]. Ее произведения становятся предметом изучения литературоведов [См.: 1; 7; 9; 11; 15; 16].

Ее романы «Путь Кассандры, или Приключения с макаронами» и «Паломничество Ланселота» повествуют о близком будущем после третьей мировой войны. Это романы-антиутопии о временах господства на земле Антихриста-Лжемессии. Главная героиня книги, девушка Кассандра, преодолевает множество трудностей и находит свой путь к Богу. В «Паломничестве Ланселота» повествуется о том, как европейские государства после экологической катастрофы объединились под властью президента единого мирового государства, называющего себя Спасителем и Мессией (на самом деле – лжемессией, Антихристом). Половина Европы и Америки ушла под воду, люди живут на кораблях. По Планете – теперь название всего мира, кроме России – ходят армии клонов, люди подвергаются принудительной эвтаназии, едят заменители пищи и живут в созданной реальности, где все «планетяне» могут быть теми, кем захотят. Образ лжемессии сопровождают три шестерки, перевернутый крест и когти на руках. Его гимн начинается словами: «Союз нерушимый народов свободных сплотил ты навеки, Мессия отец!» (ассоциации этого текста очевидны). При богослужениях мессу церковники мировой церкви пользуются черными свечами. Планетянин Ланс (норвежский рыбак Ларс Кристенсен) отправляется в паломничество на далекий остров Иерусалим, чтобы получить исцеление от Мессии. Исцеление страждущих происходит в главной резиденции – новой Вавилонской башне. При этом кое-где в Европе выжили православные христиане, а все остальные ветви христианства слились с Православием. Исключение в царстве Зверя представляет лишь Россия, выжившая во время катастрофы, восстановившая монархию и Православие. Россия здесь превращается в остров спасения, сохранившийся в обезумевшем мире. «Знаете ли вы, дорогие братья и сестры, кто с Божьей помощью спас Россию? Спасли ее православные дети», – говорится в романе «Паломничество Ланселота». Согласно авторскому видению истории, в конце XX века «пала безбожная власть, но сатана хитер, и огромный бес коммунизма рассыпался на легионы мелких бесов. Только-только на Руси начало укрепляться и распространяться Православие, как все адские

силы поднялись, собрались и пошли в атаку на русские души: бандитизм, наркомания, сатанизм, растление, пропаганда жизни ради удовольствий, неоязычество, бездуховность — все это обрушилось на страну, и многим тогда показалось, что Россия обречена идти по западному пути. Она бы и пошла и тоже оказалась под властью Антихриста, если бы не дети... наркоманы, бандиты, блудники, блудницы и прочие грешники были великими себялюбцами, и они не хотели иметь детей; а православные женщины тихо и скромно вели дело спасения Святой Руси, рожая и воспитывая столько детей, сколько им посылал... дети выросли, и молодая Россия стряхнула с себя остатки смутных времен. Православные дети – богатство и сила Святой Руси!» [3, с. 367]. В свою очередь, в трилогии Ю. Вознесенской «Юлианна» стоит обособленно, и реалистическое повествование переплетается в ней со сверхъестественными явлениями: ангелы и демоны (бесы) сражаются за душу человека.

Исследователь из Екатеринбурга Татьяна Хоруженко в статье «Православное фэнтези как явление современной литературы» отмечает, что Юлиа Вознесенская «основной акцент делает на духовном преображении» героев, и этим ее тексты отличаются и от утопии, и от фантастики в их привычном понимании. Кроме того, «нетрудно заметить, что описание благословенной долины, как в дальнейшем и Гефсиманского острова, напоминает фольклорную легенду о Беловодье»; как пишет Татьяна Хоруженко, «четкое противопоставление добра и зла, а также сюжет-квест действительно сближают “православное фэнтези” со своим мирским аналогом. Однако следует отметить, что сюжет-квест – это отличительная черта массовой фантастической литературы в целом. Именно такой тип сюжета придает занимательности повествованию. Сюжет-квест воплощается героем неверующим. Он приходит к православию благодаря молитвам героя верующего» [16, с. 385].

Но на архетипическую фольклорную основу накладываются признаки обычного литературного *fantasy*. Например, дети в романе могут летать: «Сонечку (девочку) летать научили чайки... вскоре взлетели и другие дети, сначала малыши, родившиеся вслед за Сонечкой и уже от рождения обладающие этой способностью, а после дети постарше, которые пришли в долину вместе со взрослыми... но летать научились только те дети, которым до прихода в долину не было семи лет» [3, с. 261]. Диалогия Юлии Вознесенской завершается вторым пришествием Спасителя: «Двери храма распахнулись, и из них вышел высокий священник в ослепительно белых одеждах. <...> За ним шли священнослужители в таких же радостных пасхальных одеяниях, монахи и монахини, мирские мужчины и женщины, старики и дети. Священник в белом, идущий впереди всех, медленно шел по дороге из храма и вел за собой остальных. Они не видели его лица, потому что он шел почти спиной к ним, уходя от них еще выше по горе» [3, с. 545]. Это второе пришествие Христа, которое происходит возле Иерусалима, ставшем резиденцией лжемессии. Есть в сюжете и новые мученики: «Сестра Евгения, ты будешь помогать отцу Иакову просвещать и крестить детей... а мученичество твое, кроме опасностей, которые вы встретите в пути, кроме трудов и лишений, которые тебя ждут в усадьбе на островке в дунайском море, будет еще и в том, что будешь непрерывно молиться за душу твоего Ланселота. Это будет очень трудно, порой мучительно, но, поверь мне, Ланселот очень нужен Господу». Через мученичество герои обретают и утверждают веру, повторяя судьбы христианских мучеников первых веков нашей эры. Тем самым, с точки зрения типа сюжета, эти произведения можно рассматривать как «квест», содержанием которого являются не тривиальные подвиги в борьбе со злом внешнего мира (там уже полностью господствует Антихрист), а обращение в истинную веру через испытания.

Ланселот, ранее не веровавший во Христа и распятый лжемессией на кресте, становится новым мучеником. Естественно, что и само имя «Ланселот» выбрано не случайно – оно отсылает к легендарному рыцарю «круглого стола», искавшего Грааль – чашу с кровью Христовой. Здесь вера в Христа способна стереть «печать мессии» — инструмент контроля за «планетянами»: «Ты не Мессия, – сказал Ланселот. – Мессия – другой, и он уже приходил в этот мир. Ты – Антихрист, убийца людей и погубитель мира. Я отказываюсь от твоего исцеления и плюю на тебя! ...Антихрист завизжал и схватился обеими руками за лицо. и все увидели, как его лицо полыхнуло коротким синим пламенем, а руки превратились в покрытые рыжей шерстью лапы с длинными черными когтями» [3, с. 567]. Как видим, у Ю. Вознесенской сюжет прихода Антихриста парадоксальным образом разрешается в позитивном ключе – как возможность духовного прозрения людей перед лицом временного торжества абсолютного Зла. Поэтому М. Крылова вполне обоснованно определяет романы Ю. Вознесенской как «жанр христианского постапокалипсиса» [7].

Повесть Юлии Вознесенской «Сто дней до потопа» – это история об известном библейском персонаже, подруге детства Ноева сына Сима по имени Дина. Она – последний человек, которого Ной через своего сына надеется уговорить войти в спасительный ковчег. С точки зрения религиозной символики Ноев ковчег посреди развратившегося мира допотопных людей является образом Церкви Христовой в конце времён. В повести в художественных образах предпотопного мира дана квинтэссенция нашей современности: «Все дома в городе были обвешаны цветными картинками с забавными надписями, в основном предлагающими товары и услуги. Теперь я поняла, почему новые дома строили такими высокими – чтобы больше рекламы на них поместилось. На улицах, прицепленные на фонари и просто на специально протянутых между домами тросах, висели бантики, воздушные шарик, смешные фигурки людей и животных – все совершенно гигантского размера и ярчайших цветов, и обязательно что-нибудь рекламирующие. Тот же образ жизни, к примеру: “Мы – впереди всей Земли!”, “Город нефилимов – город счастья и свободы!”, “Забудь Творца – твори себя сам!”, “Живи на яркой стороне жизни!”, “Бери от жизни все!”. И прочий подростковый вздор в том же духе. Да, к этой детской культуре надо было еще привыкнуть...», – иронически отмечает героиня, давая оценку людям конца времен [4, с. 122].

Этот путь отторжения современного мира продолжается и в повести «Мои посмертные приключения», в которой рассказывается о путях главной героини в загробном мире. Здесь, как сказано в аннотации к книге, дано «собрание крупниц духовной мудрости и опыта многих людей», и поэтому «читателю открываются духовные истины, хранимые Православной Церковью. Что такое мытарства души, что ждет нас после смерти, какие искушения подстерегают нас... Только ад уж больно похож на нашу обыденную жизнь...» [2, с. 2]. По сути, *посмертное путешествие героини состоит не только и не столько в созерцании страданий людей за совершенные ими в земной жизни грехи, но в первую очередь – в восполнении и доделывании того, что нужно было сделать еще в земной жизни, но не успелось*: «Вскоре оказалось, что каждый мой день заполнен до отказа. Утром, когда солнце только вставало над морем, я вставала к нему лицом и молилась, обращаясь к Господу, к Божией Матери, к моему Ангелу-Хранителю и к единственному святому, которого знала по имени – к моему Деду, отцу Евгению. Я просила у Бога милости для Лопухого, где бы он ни был. Потом я садилась на песок и размышляла. О чем? Обо всем, что случилось со мной за всю мою жизнь, начиная с того момента, как я себя помню. Что прожила я свою жизнь неумно и неправильно, это я давно поняла –

пришлось понять! Но теперь у меня появилось время, чтобы снова, да еще и не один раз, пройти свою жизнь шаг за шагом. Чем дольше я это делала, тем меньше она мне нравилась. Я так изуродовала ее грехами, что оставалось только удивляться Божией милости: разве я заслужила, чтобы у меня над головой было небо, чтобы слышать издали крики чаек и шум прибоя, видеть рядом невинные и живые существа – ящерок и паучков? Удивительное дело! Начиная от Фрейда, все психологи учили нас избегать самоосуждения, чтобы не заработать комплексов и психических надломов. Но чем больше и строже я судила себя и каялась в своих грехах, тем легче, тем спокойней мне становилось. Очень часто, осудив себя по всей строгости за какой-то проступок, я вдруг начинала чему-то радоваться! Может быть, чувство справедливости, присущее старой правозащитнице, двигало мной?» [2, с. 161].

Наконец, ее историческое фэнтези – повесть «Сын Вождя» – это воображаемая история о незаконнорожденном сыне В. Ленина, который полжизни провел в тюрьмах и психлечебницах, а вторую половину – под надзором спецслужб. В юности Господь дал ему шанс стать монахом и отомстить своего отца, но Георгий поверил новому вождю, Сталину, а не старцу, зовущему его в скит, и обрёл себя на заточение. В судьбе этого воображаемого человека автор очевидным образом дает символ судьбы русского народа в XX веке: после катастроф народ в основной своей массе не идет путем духовного преобразования, а продолжает служить разным идолам и этим сам себя заточает в несвободу. Таким образом, здесь православное понимание истории здесь дано в символе отдельной судьбы.

Александр Борисович Торик (род. 1958, Москва) – протоиерей РПЦ, заштатный клирик Московской епархии. В 1996 году он издал брошюру «Воцерковление» о путях духовного преобразования современного человека, которая оказалась очень удачной и выдержала уже много переизданий. Весной 2004 г. вышло в свет первое издание «Флавиана» – повести о нашем времени, в которой священник живет среди обычных, далеких от Церкви людей, и занимается их воцерковлением. Затем им были написаны книги «Флавиан. Жизнь продолжается», «Флавиан. Восхождение», «Селафиила», «Русак». Эта серия книг стала весьма популярной и широко известна среди церковных людей. «Димон: сказка для детей от 14 до 114 лет» (2008) – эта повесть написана им специально для молодежи, даже с использованием современного подросткового сленга. Димон – это одиннадцатиклассник Димка, который был безответно влюблен в первую красавицу школы Маринку. Она попала в автомобильную катастрофу и оказалась в коме. Фантастический сюжет состоит в том, что Димон попадает в переходный «терминал», ведущий в загробное существование и отправляется спасти душу Маринки. Эту повесть критики классифицировали как «православным фэнтези», а верующие видят в ней популярное художественное изложение учения о мытарствах.

Вот, например, как во время встречи с умершей женщиной, в земной жизни очень любившей дорогие вещи, показан тупик греха стяжательства:

«– Нет, молодой человек, я давно уже не люблю никакие цвета и никакую одежду, и вообще ничего, что я любила раньше и из-за чего меня угораздило вляпаться навечно сюда!

– Как вляпаться?! Разве здесь плохо? Здесь же есть всё, чего только можно захотеть! – Димон недоумевал.

– Здесь есть только вещи, молодой человек, баракло и ничего больше! Поверьте мне, я нахожусь здесь очень давно! – голос женщины был наполнен безотраднoю тоскою.

– Но вы же можете иметь здесь всё! Дома, машины, одежду – всё что пожелаете! Разве это не классно?

– Юноша! Во скольких домах вы можете находиться одновременно?

– В одном... Но разве не интересно менять жильё, пользоваться разными автомобилями, одеваться каждый раз во что-то новое?

– А дальше? Вы берёте себе дом и набиваете его барахлом, затем ещё дом или дворец, или усадьбу, набиваете барахлом и их, затем опять какое-то помещение и опять набивание его барахлом, и так вечно. Сначала это удивляет, потом увлекает, потом надоедает, потом от этого звереешь, потом отчаиваешься, потом продолжаешь это делать уже просто потому, чтобы хоть чем-то занять себя вместо того, чтобы сидеть и выть от тоски! Особенно от сознания, что ты раб этого барахла, и что это будет длиться без конца!» [8, с. 89].

Как видим, душеспасительная цель объяснения сути греха здесь дается не в назидательном поучении, а как рассказ «изнутри» – как неутешительный итог пустой человеческой жизни. Только так это становится понятным всем.

А вот диалог перед «возвращением на землю»:

«Ангел ласково посмотрел на ребят. – Теперь вам пора возвращаться в земную жизнь! Постарайтесь прожить её так, чтобы вам не пришлось опять проходить весь ужас Терминала! Учитесь любить Бога и людей, молитесь Господу, а в остальном Он Сам вам поможет! Опыт у вас уже есть!

– А вернувшись в ту жизнь, мы не забудем того, что с нами было здесь? – встревожилась Маринка. — Мы не забудем, что мы теперь значим друг для друга?

– Всё, что вам будет полезно, Господь сохранит в вашей памяти! Главное, сами не растеряйте того, что вы приобрели здесь, в ежедневной мирской суете! И не забывайте о «тофиках», они будут преследовать вас в течение всей земной жизни, не поддавайтесь на их искушения! Помните, что они готовят людям в вечности! Помните и об оружии: молитве и крестном знамении, против которых они бессильны, – Ангел посмотрел на них с нежностью, – прощайтесь, ребята! Встретитесь там!

Маринка с Димоном торопливо повернулись друг к другу.

– Ты будешь меня любить и там? – Маринка широко раскрытыми глазами посмотрела в Димкины глаза. – Обещаешь?

– Обещаю! – кивнул Димон. – А ты?

– И я обещаю любить тебя! Всегда, что бы с нами там не случилось! – Маринка приподнялась на цыпочки и поцеловала Димона. Он ответил ей тем же.

– Увидимся!

– Пока!

– Благослови вас Господь! – произнёс Ангел» [10, с. 224].

Архетипическая история Орфея, отправившегося в ад за Эвридикой и спасшего ее своей чудотворной игрой на лире, здесь получает свое новое, христианское воплощение. В языческой мифе Аполлон дал своему сыну Орфею лиру, а здесь Ангел Хранитель вразумляет его. В одном из комментариев читателей, размещенном на сайте продажи книг, есть история: «Книгу “Димон”, написанную протоиереем Александром Ториком, я приобрела после поездки в Оптину Пустынь и по возвращении оттуда я ее практически сразу всю прочитала, настолько доступным языком там все написано. По поводу произведения я бы сказала, что это не сказка, а скорее всего притча. Я уже многим людям давала эту книгу и у них она вызывала только потрясение. Сказать, что в ней описана история любви – это вообще ничего не сказать. Я до сих пор задумываюсь многие ли из тех, кто считает, что любят – смогли ли сделать то, что

сделал Димон? Если честно, то я до сих пор прихожу в шок от того, что вспоминаю сюжет с Жертвой замены. В духовной литературе путь души, когда она проходит через мытарства к Богу описывался немного иначе. В своей же книге автор хотел нам показать лукавство и обман сил зла, и свободу выбора человека между добром и злом. Книги “Мои посмертные приключения” и “Димон” – “Божественная комедия” в современном таком и упрощенном пересказе» [Цит. по: 5]. Этот простодушный, но весьма глубокий по сути отзыв, показывает нам, чем ценна такая литература. Она прямо и непосредственно, без увязания в обстоятельствах времени и места, говорит о самом главном — о самых фундаментальных содержаниях человеческого бытия и жизни нашей души. Даже не будучи вполне церковным человеком, в ней можно найти это самое важное для всех содержание. Поэтому даже если конечная цель авторов – воцерковление читателя – и не достигается, то цель чтения достигается в любом случае. Преображение души, ее «настройка на вечность» происходит у любого вдумчивого читателя.

Проведенный краткий анализ позволяет очертить определенную типологию данного жанра. Если Юлия Вознесенская разрабатывала библейские и эсхатологические сюжеты, приближая их к восприятию современного человека; о. Александр Торик ближе к «духовному» роману в традициях Ф.М. Достоевского, а С.С. Козлов близок к обычной психологической прозе. Но во всех случаях их фантастические сюжеты выполняли одну и ту же важнейшую роль – сдували пыль обыденности и обнажали подлинную суть душ и вещей. Это та функция литературы, которая во все времена была самой важной, а в наше она еще стала и целительной для современного человека, забывшего о бессмертной душе в поисках эфемерного земного счастья. И даже если он не согласен с этим тезисом, прочитать названные книги ему будет тем более бесполезно. В целом развитие данного жанра в XXI веке является вполне естественным в контексте процесса возрождения православных традиций среди весьма широких слоев населения. Вместе с тем, наличие такого жанра демонстрирует значительную зависимость православных читателей от стереотипов современной массовой культуры (на что было указано в работе О.Н. Склярова [11]) и потерю высоких традиций русской литературы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беляева М.Ю. Тексты Ю.Н. Вознесенской в аспекте формирования православных ценностей / М.Ю. Беляева, З.А. Стукова // Культурная жизнь Юга России. – 2015. – № 1(56). – С. 66–69.
2. Вознесенская Ю. Мои посмертные приключения / Ю. Вознесенская. – М.: «Лепта Книга», 2015. – 236 с.
3. Вознесенская Ю. Путь Кассандры, или Приключения с макаронами / Ю. Вознесенская. – М.: Лепта-Пресс, 2004. – 712 с.
4. Вознесенская Ю. Сто дней до потопа / Ю. Вознесенская. – М.: «Лепта Книга», 2015. – 278 с.
5. Книга «Димон» – Протоиерей Александр Торик – отзывы. Режим доступа: https://otzovik.com/reviews/kniga_dimon-protiirey_aleksandr_torik/ (Дата обращения: 09.07.2020 г.).
6. Козлов С.С. Время любить: роман / С.С. Козлов. – Сибирская Благовонница, 2011. – 236 с.
7. Крылова М. Жанр христианского постапокалипсиса. «Путь Кассандры, или Приключения с макаронами» Юлии Вознесенской / М. Крылова // Вопросы литературы. – 2016. – № 5. – С. 102–113.
8. Мытарства Феодоры. Режим доступа: <https://diak-kuraev.livejournal.com/15653.html> (Дата обращения: 09.07.2020 г.).
9. Павликова Е.А. Жажда истины и отваги: Послесловие // Вознесенская Ю. Путь Кассандры, или Приключения с макаронами. – М.: Лепта-Пресс, 2004. – С. 689–701.
10. Протоиерей Александр Торик Димон: сказка для детей от 14 до 104 лет: повесть / Протоиерей Александр Торик. – М.: Сибирская Благовонница, 2008. – 237 с.

11. Скляр О.Н. О маскультных элементах в прозе Ю.Н. Вознесенской (на материале книг «Путь Кассандры, или Приключения с макаронами» и «Паломничество Ланселота») / О.Н. Скляр // Вестник ПСТГУ. – III Филология. – 2007. – Вып. 2 (8). – С. 142–172.
12. Сыроев Д., свящ. Православие и фантастика: границы и перспективы. Режим доступа: elitsy.ru/communities/27957/407648/ (Дата обращения: 09.07.2020 г.).
13. Хаецкая Е. Возможна ли христианская fantasy? Режим доступа: <http://www.telenir.net/literaturovedenie/vozmozhna-li-hristianskaja-fantasy/p1.php> (Дата обращения: 09.07.2020 г.).
14. Филдинг Г. Избранные сочинения / Г. Филдинг. – М.: Худож. лит., 1988. – 686 с.
15. Хоруженко Т.И. Мотив второго пришествия в современной русской фэнтези / Т.И. Хоруженко // Проблемы исторической поэтики. – 2017. – Том 15. – № 2. – С. 141–158.
16. Хоруженко Т.И. Православное фэнтези как явление современной литературы / Т.И. Хоруженко // Дергачевские чтения-2011. – Русская литература: национальное развитие и региональные особенности: материалы X Всерос. науч. конф.: в 3 т. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2012. – С. 380–389.

Поступила в редакцию 14.07.2020 г.

THE GENRE OF FANTASY IN WORKS BY MODERN ORTHODOX WRITERS

V.Y. Darenskiy

The article deals with the fantasy genre in modern Russian Orthodox literature. The typology of the genre is considered on the example of works by several significant authors. In particular, the author addresses works by Yu. N. Voznesenskaya, who developed biblical and eschatological plots, bringing them closer to the perception of a modern man. The focus is also made on works by F. Alexander Torik, who is closer to the “spiritual” novel in the traditions of F. M. Dostoevsky. A special attention is paid to S. S. Kozlov, who is close to ordinary psychological prose. The conclusion is made that in all cases, their fantastic stories played the same crucial role, i.e. they ruined the boundaries of everyday life and exposed the finiteness of human life. This is its healing function for a modern man, reminding him of the immortal soul.

Key words: fantasy, Orthodox literature, Yu. N. Voznesenskaya, O. Alexander Torik, S. S. Kozlov.

Даренский Виталий Юрьевич.

Доктор философских наук.

ГОУ ВПО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет».

Профессор кафедры философии и социологии.

E-mail: darenskiy1972@rambler.ru

Darenskiy Vitaliy Jurievich.

Doctor of Philosophy.

Lugansk State Pedagogical University.

Professor of Department of Philosophy and Sociology.

E-mail: darenskiy1972@rambler.ru